

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-179-189>

## 1917 год и Русская императорская армия (на примере Иркутского гусарского полка и 47 Сибирского стрелкового полка)

© А.В. Ануфриев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

**Аннотация:** Статья посвящена событиям февральской и октябрьской революций и реакции русской армии на них. Данные события рассматриваются на примере двух полков РИА – 16 Иркутского гусарского полка и 47 Сибирского стрелкового полка. Анализ производится на базе привлечения широкого круга источников, выявленных автором в Российском военно-историческом архиве. Основой для сравнения стали дневники боевых действий полков и соединений, в состав которых они входили: 1 отдельной кавалерийской бригады и 12-й Сибирской стрелковой дивизии. Во многом низкая моральная устойчивость пехоты связана с потерями. Так, за Первую мировую войну четыре полка 12-й Сибирской дивизии суммарно потеряли три полных состава. Сам же 47 полк потерял 13 130 человек. Потери иркутских гусар были на порядок меньше – полк потерял 421 бойца. Даже если учитывать почти 4 кратную разницу в численности пехотного и кавалерийского полков, цифры говорят сами за себя. В пехотных полках почти не осталось носителей полковой славы, они или погибли или после ранения сменили полк, у «иркутцев» костяк полка сохранился, что позволяло поддерживать должный уровень воинской дисциплины. Несравнима и тяжесть службы. Гусары почти не сидели в окопах, их использовали скорее как «пожарную команду», затыкая возникшие дыры в порядках отступающих войск, либо вводя в образовавшийся прорыв при наступлении. Следовательно, кавалерия чувствовала меньшую усталость от войны за счёт более качественного состава, и как следствие – малой восприимчивости к антивоенной пропаганде.

**Ключевые слова:** армия, братания, бои, война, Иркутский полк, отступление, разложение, расформирование, революция, сибирские стрелки, советы

**Информация о статье:** Дата поступления 18 января 2019 г.; дата принятия к печати 11 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

**Для цитирования:** Ануфриев А.В. 1917 год и Русская императорская армия (на примере Иркутского гусарского полка и 47 Сибирского стрелкового полка). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 179–189. DOI: [10.21285/2415-8739-2019-1-179-189](http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-179-189).

## 1917 and the Russian Imperial Army (on the example of the Irkutsk Hussars and 47th Siberian Rifle Regiments)

© Alexander V. Anufriyev

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

**Abstract:** The paper is devoted to the events of February and October Revolutions and the reaction of Russian Army to them. These events are considered on the example of two regiments of Russian Imperial Army, 16th Irkutsk Hussars and 47th Siberian rifle regiments. The analysis is made on the basis of a wide range of sources found by the author in the Russian Military History Archive. The comparison was made using the diaries of combat operations of the regiments, which are the parts of 1st separate cavalry brigade and 12th Siberian rifle division. In many respects, the low moral sinew of the infantry is due to a greater number of casualties. For instance, during the First World War, four regiments of 12th Siberian Division have lost totally three regiments. In 47th regiment 13,130 people were lost. The losses of the Irkutsk hussars were an order of magnitude less. According to operation record books, the regiment lost 421 fighters. Even if to take into account the almost 4-fold difference in the size of

infantry and cavalry regiments, these numbers speak for themselves. In infantry regiments, there were almost no those who won honor in battle. They either were killed in battle or, after the combat injury, they changed the regiment. The "Irkutsk" regiment preserved its backbone that allowed keeping military discipline at an adequate level. Incomparable were conditions of service. The hussars almost did not sit in the trenches, they were used rather like a "fire brigade" plugging holes in the orders of the retreating troops, or introducing them into breaching during the attack. Consequently, the cavalry felt less fatigue from the war due to a better military strength, and as a result, a lesser susceptibility to anti-war propaganda.

**Keywords:** army, fraternization, battles, war, Irkutsk regiment, retreat, demoralization, disbanding, revolution, Siberian shooters, soviets

**Article info:** Received January 18, 2019; accepted for publication February 11, 2019; available online March 28, 2019.

**For citation:** Anufriyev A.V. 1917 and the Russian Imperial Army (on the example of the Irkutsk Hussars and 47th Siberian Rifle Regiments). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 179–189. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-179-189.

Общая тема глубокого кризиса и фактического развала русской армии привлекала внимание исследователей неоднократно. Однако в советской историографии основной упор был сделан на деятельность большевистских организации на фронте и в тылу, для работ подобного плана характерен марксистский догматизм, первые работы особенно 1920-х – начала 1950-х гг. грешат политизированностью и излишней описательностью (Селиванов, 1925; Гапоненко, 1953; Рабинович, 1930; Чаадаева, 1935 и др.)

Одновременно оказавшиеся в эмиграции офицеры и генералы императорской армии, анализируя причины своего поражения в Гражданской войне, выпустили работы, находящиеся на границе источников и исследований (Деникин, 2005; Врангель, 1928; Краснов, 1922).

Более информативны и интересны работы 1970–1980 гг., хотя и они находятся в четко заданной марксистской канве (Андреев, 1975; Якупов, 1975; Баталов, 1978; Дещинский, 1982; Голуб, 1967 и др.).

Серьезное переосмысление проблемы произошло в начале 1990 гг. когда появился ряд новых работ, лишенных догматического взгляда на проблему (Жилин, 1994; Базанов, Пронин, 1997; Базанов, 1999 и др.)

Отдельно стоит отметить работы, посвященные именно сибирским частям (Новиков, 2008; Крылов, 2014).

Несмотря на огромное количество исследовательской литературы данная проблематика, осо-

бенно на полковом уровне, хранит еще достаточно неизведанного.

Автор постарался рассмотреть и проанализировать, как прожили переломный, 1917 год, два полка: 47 Сибирский стрелковый и 16 Иркутский гусарский.

Каждый полк русской императорской армии имел интересную и оригинальную историю. Но даже на этом фоне отличается Иркутский драгунский полк. Сформированный в Сибири в конце XVIII в., он прожил интереснейшую жизнь. Здесь была и охрана границы с Китаем, и переброска на запад, участие в Отечественной войне 1812 года и зарубежных походах, Русско-турецкая война и подавление польского мятежа 1831 года. Дважды создаваемый как драгунский, полк дважды становился гусарским.

Первую мировую войн полк встретил в Прибалтике, затем последовательно воевал в белорусских болотах, а в 1916 г. был переброшен на юго-запад. События 1917 года застали его в рядах Сводной кавалерийской дивизии.

«2 марта пронеслись слухи об отречении государя. Ещё через день слухи стали совершившимся фактом, – писал Юрий Галич (Г. Гончаренко) – бывший командир 19 драгунского полка) – двинутые на столицу войска получили приказание возвратиться. Наблюдалось не столько сожаление, сколько тревога за будущее. Сведения об отречении великого князя, в свою очередь, не вызвали во мне особой тревоги: Учредительное собрание изберёт форму правления!» Армия, конечно, знала

об отречении, однако относительный порядок в ней пока поддерживался (Галич, 2008. С. 82–84, 89). Он вспоминал: «Революционная пропаганда не преминула вскоре перекинуться на дивизию и, в связи со знаменитым «Приказом № 1», учреждением полковых комитетов, усиленной агитацией специальных агентов, в короткий срок затуманила солдатские головы». Солдаты заставили офицеров и командиров полков принять участие в празднике с красными бутоньерками в петлицах. «Один из офицеров, молодой горячий улан, барон Эльсен, растоптавший бутоньерку ногами, едва не был растерзан на части», – вспоминал Юрий Галич. Солдаты отказывались выходить на стрельбы, в дивизии царила общая апатия и отсутствие дисциплины (Галич, 2008. С. 96–98).

Следует отметить, что официально о смене власти «иркутцы» узнали только 8 марта 1917 г., когда личному полку был объявлен высочайший манифест об отречении от престола императора и манифест великого князя Михаила. Согласно документам полк принял присягу на верность Временному правительству только 22.03.1917 г., приказ командира полка № 82 сообщал: «Я и все чины вверенного мне полка 22 сего марта приняли присягу на верность службы Временному правительству и Родине» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 106. Л. 39).

Между тем «иркутцы» в отличие от соседей сохранили боевой дух и дисциплину. Весной 1917 г. Иркутский гусарский полк, как и остальные полки Сводной кавалерийской дивизии, инспектировался командующим Сводной кавалерийской дивизией генерал-майором М. Свечиным. «22–29 апреля я произвёл инспекторские смотры конным полкам дивизии, – отметил он. – Вид гусар, драгун, замурцев бодрый. Тела лошадей в гусарском полку очень хорошие» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 107. Л. 10–11).

Свечин особо подчеркнул, что его порадовало состояние полка. «Пики в порядке, пулемёты содержатся исправно, – констатировалось в полковом журнале. Обмундирование и сапоги: в гусарском полку солдаты одеты отлично». «Считаю своим долгом выразить свою благодарность командирам частей и начальствующим лицам. Сердечное

спасибо молодцам драгунам, гусарам и замурцам... за честное и добросовестное отношение к своему долгу на пользу нашей обновленной свободной Родине» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 107. Л. 10–11).

Командование старалось не только словами, но и делом достойно наградить «иркутцев». Приказом от 17 мая были вручены награды иркутским гусарам: гусар Г. Баймишен получил сербскую награду – Звезду ордена Карагеоргиевичей с мечами, а гусар 2-го эскадрона И. Захаров – посеребрённую медаль «За храбрость».

Однако иркутские гусары, несмотря на хорошие итоги смотра и полученные награды, не могли не разделять всеобщую тревогу, витавшую в воздухе после февральских событий. Усталость от войны, множась самые разнообразные слухи о будущем – всё это не могло не сказаться на душевном здоровье солдат и офицеров. Так, приказ № 21 от 1 мая 1917 г. цитирует слова генерала Брусилова о недопущении братаний: «Под видом благожелательства и искреннего чувства братания скрывает провокаторскую деятельность противника, которую наши солдаты принимают за чистую монету. На все попытки противника войти в общение с нашими войсками должен быть один ответ – пулей и штыком» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 107. Л. 1).

Генерал-лейтенант князь Туманов был вынужден издать приказ по 2-му кавалерийскому корпусу. Причиной послужило поведение трёх солдат стрелкового полка 9-й кавалерийской дивизии. Они отправились к немцам, выпили с ними водки, «рассказывали о нашем расположении», а затем вернулись назад, как ни в чём не бывало. «К несчастью и позору для армии, до сих пор встречаются солдаты, которые за водку готовы продать Родину, готовые считать возможным разговаривать с врагом. Приказываю... никаких парламентариев не принимать, а брать в плен или встречать ружейным огнём. Ген.-лейт. князь Туманов» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 107. Л. 20).

Командование, видимо, всерьёз опасалось бегства военнослужащих, поэтому в журнале боевых действий «иркутцев» был зафиксирован ещё один приказ командира 2-го конного корпуса, ге-

нерала-лейтенанта князя Туманова: «В отпуск в Европейскую Россию не более 70 человек по железной дороге в сутки». В эти же дни на 28–30 суток из полка отбывали 9 «иркутцев». Ситуация с «братаниями» была, видимо, настолько сложной, что в полках проходили дисциплинарные суды. К примеру, 10 мая 1917 г. «иркутцы» провели выборы в такие суды. В первом эскадроне председателем был избран корнет Любавский, во 2-м – подполковник Шантырь, в 3-м – штаб-ротмистр Поливанов.

В эти же трудные дни и «иркутцы» вынуждены были расстаться с командиром полковником Л.М. Навроцким, который был переведён в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк.

Уезжая, Навроцкий обратился к воинам Иркутского гусарского полка с трогательными словами: «Сего числа сдав командование полком, я с грустью расстаюсь с вами, родная семья, от всей души благодарю вас, товарищи офицеры и гусары, за ту блестящую службу, которую я видел с вашей стороны. Не долго пришлось мне прожить в этой редкой дружной и славной семье, но тот короткий промежуток времени был для меня праздником и никогда я не забуду этих минут» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 107. Л. 31).

Новым командиром «иркутцев», под началом которого им также придётся прослужить совсем недолго, стал Д.П. Резников.

Судя по путаным приказам, ситуация уже летом 1917 г. слабо контролировалась командованием. Согласно журналу боевых действий полка за июль – август 1917 г., гусары получали весьма противоречивые приказы. 4 июня Сводная кавалерийская дивизия получила приказ перейти в район Пряхова для занятия позиций. Иркутский гусарский полк вместе остался в Подлуже. В 13 часов приказано было полку выступить на соединение с дивизией. В 13 часов 30 минут полк и батарея выступили в город Станислав, но были возвращены с приказом двигаться в распоряжение комкора 2-го гвардейского корпуса. В 9 часов вечера полк прибыл в деревню Луку. 5 июня иркутские гусары начали осматриваться на местности. Было выслано два разъезда, каждый разъезд силою по 15 гусар.

Отряду приказано 6 июля в 8 утра идти «для убеждения» лейб-гвардии Кексгольмского полка, где взбунтовались солдаты. 6 июля в полковом журнале появилась запись: «...напряжение в Кексгольмском полку настолько угрожающее, что явно необходимо отряду прибыть раньше. В 10.30 отряд подошёл к урочищу... где был расположен полк. В 10.45 был послан ультиматум... предложено полку положить оружие к 12 час. В противном случае будет применена сила» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 100. Л. 4). В 12 часов из леса, занимаемого полком, показались отдельные группы людей, затем вышел весь полк с офицерами. Эскадроны, пущенные лавой, осмотрели район. Полк обезоружили, провели выбор солдат, «негодный элемент» – 768 солдат под конвоем 3-го эскадрона направлен в деревню Лука (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 100. Л. 2 об.).

Ю. Галич отмечал, что весной и летом 1917 г., противник на фронте отошёл на задний план: «Всё внимание поглощалось противником в собственных рядах, сплошь и рядом, незримым, тайным, подстерегающим из-за угла, сеящим недоверие, смуту, злобу, ожесточение, ненависть. О, будь прокляты люди, создавшие из доблестной русской армии тупое, дикое, презренное стадо!» – писал он (Галич, 2008. С. 106).

В отличие от пехотных частей, сменивших за время войны более пяти составов и почти полностью утративших боевой дух, кавалерийские части, в том числе и «иркутцы», сохранили большую часть кадрового офицерского и унтер-офицерского состава, что позволило полностью сохранить боеспособность.

Конечно, отдельные эпизоды разложения были и в полку. Однако они жестко пресекались, так 5 февраля 1917 г. военный суд 2 корпуса рассмотрел дела гусара В.Романова, который получив приказ от командира «подстричь на голове чуб, умышленно приказа не выполнил». Суд постановил – «признать виновным в неисполнении общих распоряжений начальства в военное время» гусара Романова «исключить из воинской службы, лишив прав и преимуществ. Отправить в исправительное арестантское отделение на 3 года, при невозможности

– заключить в тюрьму» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 106. Л. 48).

Для поддержания порядка в полку приказом № 87 от 28.03.1917 г. была создана «военно-полицейская команда» во главе с поручиком Шимкевичем, в составе одного унтер-офицера и 5 гусар (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 106. Л. 45).

Между тем «иркутцы» в такой обстановке всё ещё продолжали получать приказы и даже успешно их выполнять. 9 июля эскадроны находились на квартирах, были высланы разъезды под командованием штаб-ротмистра Буксгевдена и прапорщика Кирилова, а также три унтер-офицерских разъезда. 10 июня полк вынужден был отступить на Станиславу. По пути то и дело встречались бегущие в панике пехотные и обозные солдаты. Гусарам по приказу командира пришлось «принять меры к возвращению порядка и успокоению бегущих». 14 июля гусары, уже по официальному приказу, прикрывали отход пехоты. 2-й кавалерийский корпус получил задачу удержать противника и не дать возможность немцам препятствовать их отходу. 16–20 июля «иркутцы» с боями отступали. Наконец, 22 июля стали на квартиры в деревне Владычна Подольской губернии. На следующий день были высланы три офицерских разъезда, боем взято четверо пленных. К 24 июля полк прибыл в Новоселище на границе Австрии, России и Румынии, где был поставлен лагерь. 25 июня была пройдена граница с Румынией. Августовские записи в полковом журнале содержат краткие сведения ещё об одном бое 1917 г., в котором непосредственное участие принимали иркутские гусары. 14 августа 41-я пехотная дивизия начала отступать, противнику досталось 6 артиллерийских орудий. Контратаковали немцев, в том числе и «иркутцы» во главе с полковником Резниковым, первый эшелон состоял из 19-го драгунского полка и 16-го гусарского. Бой стих к 18 часам, благодаря драгунам и гусарам, пехота смогла отбить вторую линию своих окопов (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 100. Л. 8–9).

26 августа «иркутцы» получили телеграмму из Ставки: «полку разрешено носить на правом рукаве череп красный шеврон, вместо кокарды адамову голову. Списки ударников послать в Ставку»

(РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 100. Л. 9 об.). В эти дни Юрий Галич прибыл в ставку фронта, в Бердичев. То, что увидел он там, уже не вселяло никакой надежды: «Штаб находился в состоянии полной растерянности. Из комнаты в комнату бегали офицеры, чиновники, писаря, взволнованные до предела, с искажёнными лицами, с дрожавшими от испуга руками. В комнаты врывались вооружённые банды солдат, кого-то арестовывали, куда-то уводили». 30 августа в 20 часов иркутские гусары были проинформированы: пришло известие. Над полком зазвучали слова: Керенский принял на себя пост Верховного Главнокомандующего, а генерал Корнилов отстранён и предан суду. «В борьбе Корнилова с Керенским, последний одержал решительную победу... Армию обезглавили... У офицерского состава вынули душу...», – констатировал Юрий Галич (Галич, 2008. С. 140).

После этой телефонограммы в полковом журнале «иркутцев» осталась одна, последняя, запись: «31 августа – полк стоит на месте». Осенью 1917 вирус разложения перекинулся и на «иркутцев». Реальная власть в полку оказалась в руках полкового комитета, который возглавил полковой врач Владимир Иосифович Аккерман.

Офицеры расформированного зимой 1918 г. полка почти в полном составе влились в ряды Белого движения. Из установленных на сегодня судеб офицеров и чиновников только два представителя полка оказались на другой стороне баррикад: Юрий Наумович Пальмгрен возглавил 8-ю отдельную Туркестанскую кавалерийскую бригаду РККА и старший врач полка Владимир Иосифович Аккерман, выбранный в 1917 г. председателем полкового комитета, впоследствии ставший доктором медицинских наук и заведующим кафедрой психиатрии Гродненского и Иркутского медицинских институтов, стал военным врачом в Красной армии.

Полк был возрождён в рядах Добровольческой армии, сначала как ячейка в составе Белозёрского полка. В августе 1919 г. «иркутцы» были развёрнуты в эскадрон в составе сводного полка 1-й кавалерийской бригады, затем числились в 4-м кавалерийском полку. А осенью 1920 г. были приданы стрелковому полку 2-й кавалерийской дивизи

зии и, прикрывая отход основной части войск Врангеля, погибли 30 октября в бою у деревни Мамут, что под Джанкоем. Остатки полка были эвакуированы в Галипольский лагерь.

В Сибири в 1918 г. была предпринята попытка воссоздания Иркутского гусарского полка в составе 4-й Иркутской конной бригады. Командиром полка был назначен войсковой старшина Васильев. Полк унаследовал «приборный» цвет 16-го Иркутского гусарского полка РИА (малиновые погоны, околыш фуражки). На 1 октября 1918 г. в полку числились один офицер и 80 нижних чинов. Из-за своей малочисленности полк был свернут в кавалерийский дивизион партизанской бригады имени есаула Красильникова («Красные гусары Красильникова»).

Иное положение было в пехотных частях.

Рассмотрим, как встретили февральские события полки 12 Сибирской стрелковой дивизии. Соединение выбрано не случайно – полки этой дивизии были сформированы в Иркутске на базе первоочередной 7 Сибирской стрелковой дивизии, значительную часть призывного контингента составляли жители Восточной Сибири.

Рассмотрим краткий путь этого соединения. 11 сентября дивизия была отправлена на театр войны, а 11 октября 1914 г. прибыла на Юго-Западный фронт в состав 8-й армии в верховья рек Сан и Днестр.

Весной дивизия противостояла главному удару немцев и понесла чудовищные потери, в строю осталось не более 13 % штатного состава. В начале лета дивизия была переброшена в Ригу, где месяц пополнялась, войдя в состав 5-й армии. В июле 12-я Сибирская дивизия вела бои с немцами в районе Митавы, останавливая немцев рвущихся к Риге. 15–26 августа 1916 г. 7-й Сибирский корпус, в состав которого входила дивизия, был переброшен по железной дороге с Северного на Юго-Западный фронт. Однако к этому моменту и она подверглась разложению. Командующий фронтом А.А. Брусилов отмечал, что «7-й Сибирский корпус прибыл из Рижского района совершенно распропагандированным, люди отказывались идти в атаку, были

случаи возмущения» (цит. По: Разложение армии в 1917 году, 1925. С. 7).

Первые случаи разложения и братаний были зафиксированы в полках еще осенью 1916 г. Так начальник штаба корпуса, обращаясь к полковым командирам отмечал: «Во время минувших боев 2 и 3 сего октября пехота корпуса не проявила должной доблести, и атаки ее не отличались необходимой энергией. По имеющимся сведениям, причина этого отчасти заключается в предшествовавшей пропаганде, когда агитаторы склоняли н. ч. в атаку не ходить. Несколько агитаторов уже задержаны и преданы полковому суду» (РГВИА. Ф. 3382. Оп. 1. Д. 160. Л. 4а).

В фондах РГВИА выявлено дело о расследовании случаев братания в ночь с 12 на 13 октября 1916 г. на левом фланге 45 Сибирского стрелкового полка. Прапорщик Рудзинский доносил командиру 3 батальона полка: «На сколько, справедливы слухи о братаниях стрелков 46 Сибирского стрелкового полка, то могу указать следующее:

1. Во время осмотра позиции 46 полка 12 октября на правом фланге этого полка, где стоит 1 рота. Я узнал от 4 стрелков (фамилии их не знаю), что немцы совсем не стреляют и вчера 11-ого как они сказали один стрелок из той же роты ходил к немцу часовому, тот угостил его папиросами, а стрелок дал ему пачку махорки. Об этом случае знает вся 1 рота.

2. В другом месте стрелок-наблюдатель 6 роты не стрелял по 2 работавшим немцам, ссылаясь на то, что немцы далеко, между тем немцы находились в 350–400 м.

3. Лично какое-либо братание наших стрелков я не видел. И о массовом выходе 50 человек из 47 пока не знаю» (РГВИА. Ф. 3382. Оп. 1 Д. 160. Л. 106).

Более подробно рассказывает об этом факте в своем рапорте командир команды пеших разведчиков: «Доношу, что братания стрелков 46 и 47 полков лично не видел. Но 11 сего октября около 2 часов, в штабе 46 полка услышал от командира названного полка, что час приблизительно тому назад на участке полка происходила братания стрелков с немцами, при чем, по словам командира 46 полка, из окопов 47 полка вышло для свидания

человек 70, навстречу такой же партии немцев. Одновременно с этим на фланге 46 полка из окопов вышло 2 стрелка, кажется, 12 роты разговаривали с несколькими немцами, вышедшим навстречу из окопов. Это свидание наших стрелков с немцами было прервано двумя выпущенными нашей батареей снарядами по разговаривающим после чего наши и немцы бросились в свои окопы» (РГВИА. Ф. 3382. Оп. 1. Д. 160. Л. 104).

Интересно отметить, что после провала наступления, командование запросило данные о боевом духе бойцов, с раскладкой по национальностям. Ответы были предсказуемые, так командир 4 батальона полка капитан Постников (бывший преподаватель Иркутского военного училища) писал: «Великороссы – отличный боевой материал...», интересно его размышление о бойцах – евреях – «собственно говоря, в строю евреев остается мало..., евреи – почти все музыканты и ремесленники – естественно, что большая часть из них должна оказаться не в строю... наши тыловые учреждения требуют почти исключительно ремесленников, а в строю остаются – почти исключительно пахари, но те евреи которых мне довелось наблюдать в эту и минувшую компанию 1904–1905 гг. не были хуже наших «вятских» «ездящих летом на санях, потому что лето короткое». Не соглашался с его мнением комполка: «Хотя в числе н. ч. из евреев и попадаются отдельные личности. Отличающиеся хорошими боевыми качествами, но в большинстве своем для строевой службы они непригодны, а на нестроевых должностях и в мастерских полезны...» (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 58).

Реакция сибирских стрелков (хотя к этому моменту назвать их «сибирскими» уже нельзя), была понятна и предсказуема. В полках были созданы Советы, в большинстве состоящие из солдат и младших офицеров, во многом стоящих на позиции леворадикальных партий (прежде всего, социалистов-революционеров). В соединениях к лету начались сплошные митинги, части дивизии отказались выходить на позиции, а авторитет офицеров упал до минимального уровня.

Воспользовавшись разложением стрелков, противник предпринял удачное наступление. Командующий дивизией в приказе от 4 марта 1917 г. горько констатировал: «Нужно принять радикальные меры, что бы, не повторились печальные случаи нападения противника в ночь с 17 и 23 февраля. От которых мы, шутя для противника, потеряли массу пулеметов, минометов и пленных» (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 128).

В бою в ночь на 28.02. при внезапной атаке 2 батальон полка оставил на поле сражения 5 пулеметов. При расследовании выяснилось, что «пулеметчик Лапцов вместе с 4 ранеными товарищами бросил пулемет, пулеметчик Пихуля и 2 раненых товарища, как и пулеметчик Голубенко с двумя другими товарищами. Командир горько констатировал: «Несомненно что четыре раненых человека – сила достаточная для того чтобы если нельзя сопротивляться, то хотя бы унести пулемет а не оставить в руках противника» (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 195).

Показателем глубокого морального кризиса сибирских стрелков стал план обороны 47 Сибирского стрелкового полка от 01.11.1917 г.:

«1. Задача – упорно обороняться на занимаемых позициях.

2. Сила – три батальона – 12 рот, команда пеших разведчиков, команда гренадер, 10 пулеметов.

Противник пассивен. Против дивизии стоят 102 ландверный, 244, 25 резервные германские полки, 40 запасной полк в резерве...

4. Местность – открытая, удобная для обзора и обстрела.

5. Протяженность позиций – около 4 500.

6. Состоит из передовой 2 линий окопов на западном берегу р. Гнилы, основной из одной линии на восточном берегу реки.

7. Дух войск: «Понижен, устойчивости нет, впечатлительность в отношении артиллерийского огня большая, на решительные контратаки рассчитывать трудно».

Оборону вести главным образом артиллерийским и пулеметным огнем. Упорно оборонять линию окопов на западном берегу р. Гнилы и без

особого приказа не оставлять этих участков ни под каким видом

Изменялся и офицерский состав, становилось все меньше кадровых офицеров, прекрасно знавших своих солдат. Кто-то погибал, кто то уезжал на замену, раненые и заболевшие эвакуировались в тыл. На смену им приходили выпускники ускоренных курсов военных училищ и школ прапорщиков. И все чаще вместо блестящих характеристик, например аттестация полковника Александра Крутского, командир 1 батальона полка «Полковник Крутский – испытанный боевой офицер, участник японской компании, он и в настоящей войне зарекомендовал себя с наилучшей стороны. В бою храбр, распорядителен, спокоен. По службе строг, требователен, но справедлив. Во всех отношениях служит отличным примером для подчиненных. К командованию полком подготовлен вполне, что и доказал неоднократно оставаясь за командира полка в 47 полку и временно командуя другими полками 12 и 13 Сибирских стрелковых дивизий». Выпускник Иркутской военной прогимназии и Иркутского пехотного училища участвовал в китайской компании, Русско-японской, в 1917 г. А. Крутский был награжден орденами Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 446).

Или аттестация штабс-капитана с классической русской фамилией Иванов: «... один из тех офицеров, которыми должен гордиться полк. Военное дело знает, понимает и интересуется им. Товарищами любим, солдатами уважаем. Обычно скромный и незаметный с виду, он в бою отличается примерной храбростью, отвагой, способностью увлечь за собой подчиненных. В общем – офицер отличный» (РГВИА. Ф. 338. Оп. 1. Д. 132. Л. 557).

На смену блестящим аттестациям с 1916 г. появлялись явно нелестные – так аттестация подпоручика Станислава Танаевского младшего офицера 13 роты с 5.05.1916 г., выпускника Иркутской школы прапорщиков. «В составе полка в делах и походах против Австро-Венгрии с 17 июня 1915 г. по 3 июля 1916 г. По службе не очень старателен. Ле-

нив. В бою не отличается храбростью. О прочих качествах судить не могу, ибо в полку был непродолжительное время (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 364).

Результаты опроса, проведенного командованием части в ноябре 1917 г., о дальнейших планах офицеров в послевоенный период оказались просто удручающими. Из 107 офицеров – 43 желали продолжить службу, отрицательно ответили 62 офицера, 2 воздержались от ответа (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 648–653).

Во многом состояние части зависело и от командира полка. 47 полку повезло: командиром полка был кадровый офицер полковник Казбулат Есиев, осетин по национальности. Кавказец Есиев болезненно реагировал на критику офицеров и солдат своего полка. Показательна история с телеграммой комиссара 7 армии Загорского, в которой он обвинил в трусости солдат и офицеров армии. В ответ 7 августа 1917 г. Есиев обратился с рапортом начальнику 12 Сибирской стрелковой дивизии: «Бывший комиссар 7 армии Загорский в своем обращении № 53 к лучшей части нашей армии в то же время беспощадно клеймит другую её часть, называя изменниками, провокаторами, стадом трусливых баранов.

Справедливый гнев и глубокое возмущение, перед тем великим несчастьем, что постигло нас за последний месяц, конечно вполне понятны ..., но это несколько не исключает необходимости и для него держаться в своих выражениях в пределах возможности. Так как все обращение № 53 написано в общих выражениях без упоминания лиц и частей войск, а среди чинов вверенного мне полка нет офицеров, заслуживающих такого позорного клейма, то от имени своего и офицеров вверенного мне полка, прошу запросить господина Загорского – кто именно будет вписан в историю на черную доску изменников?» (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 438).

Обстановка на фронте дивизии летом 1917 г. оказалась сложнейшей, в подразделениях царил хаос и разложение, братания приняли массовый характер.



Летом 1917 г. произошла и очная встреча этих полков. Журнал боевых действий Иркутского гусарского полка за май – июнь 1917 г. сухо констатирует: «согласна приказа ... была возложена задача – заставить положить оружие солдат 12 и 13 Сибирских пехотных дивизий, не желающих выходить на позиции и грабивших местное население д. Жукув». Почти двухтысячная толпа солдат была блокирована конницей, командир полка уговаривал пехоту сдать оружие и выдать зачинщиков. Добиться этого удалось только под угрозой артиллерийского обстрела, только после этого пехота согласилась сдать оружие (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–2 об.).

В июне 1917 г. за отказ наступать Временное правительство постановило расформировать 45-й, 46-й и 47-й Сибирские полки, но это так и не было сделано.

Полк в конце 1917 г. отказался подчиняться украинской Раде, 12 декабря полковой комитет 47 полка отправил на адрес Рады свою резолюцию: «Рада на требования русских революционных войск о замене их украинцами на территории Украины, ввиду украинизации Юго-Западного и Румынского фронтов, ответила арестом военно-революционных комитетов, разоружением русских революционных частей, шедших против контрреволюционных попыток Каледина». И предупредили что «полк с позиций снимается и требует беспрепятственного пропуска через Украину со всем имуществом» и что при препятствии может применить оружие (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. С. 202).

После конфликта с украинской Радой, сибирские стрелки ушли в центральные районы России, где в марте 1918 г. 12-я и 13-я Сибирские дивизии и были расформированы.

Итак, несмотря на сложность сравнения пехоты и кавалерии, можно отметить ряд особенностей.

Во многом низкая моральная устойчивость пехоты связана с большим числом потерь и, прежде-

де всего, офицерского корпуса и кадровых унтер-офицеров. Так за Первую мировую войну четыре полка 12-й Сибирской дивизии суммарно потеряли 5257 солдат и офицеров убитыми, 19937 ранеными, 20714 пропавшими без вести, что составляло три полных состава. Непосредственно 47 полк потерял 1354 убитыми, 5077 ранеными и 6699 пропавшими без вести, что дает 13 130 человек общих потерь.

Потери иркутских гусар были на порядок меньше: по данным журналов боевых действий (правда, неполным), полк потерял 421 бойца (из них – 60 убитыми, 313 ранеными и контуженными, 5 – попавшими в плен, остальные пропали без вести).

Даже, если учитывать почти 4 кратную разницу в численности пехотного и кавалерийского полков, цифры говорят сами за себя (Новиков, 2008. С. 231–232).

Необходимо отметить, что наиболее болезненными были потери среди офицерского и унтер-офицерского состава. В пехотных полках почти не осталось носителей полковой славы, они или погибли или после ранения сменили полк, у «иркутцев» костяк полка сохранился, что позволяло поддерживать должный уровень воинской дисциплины. Несравнима и тяжесть службы. Гусары почти не сидели в окопах, их использовали скорее как «пожарную команду», затыкая возникшие дыры в порядках отступающих войск, либо вводя в образовавшийся прорыв при наступлении. В 1916 г. предполагалось создать на базе полка партизанский отряд для действий в тылу врага, но это не было до конца осуществлено. «Иркутцы» не знали «отупляющего» сидения в окопах. Поэтому кавалерия чувствовала меньшую усталость от войны, за счёт этого – более качественный состав, и как следствие – малая восприимчивость к антивоенной пропаганде.

#### Библиографический список

Андреев А.М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975. 343 с.

#### References

Andreev A.M. *Soldatskie massy garnizonov russkoi armii v Oktyabr'skoi revolyutsii* [The Soldiers of the garrisons of the Russian Army in the October revolution].

Базанов С. К истории развала русской армии в 1917 г. // Армия и общество. 1900–1941 годы. Статьи, документы. М., 1999. С. 51–76.

Базанов С., Пронин А. Бумеранг братания // Военно-исторический журнал. 1997. № 1, 3.

Баталов А. Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 – февраль 1918). Новосибирск, 1978. 284 с.

Врангель П.Н. Записки. Альманах «Белое дело». Т. 3. Берлин, 1928. 311 с.

Галич Ю., Попов К. Красный хоровод. Сер. Белогвардейский роман. М.: Вече, 2008. 352 с.

Гапоненко Л.С. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1953. 196 с.

Голуб П.А. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. М., 1967. 296 с.

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. В 3 т. М., 2005.

Дещинский Л.Е. Большевики во главе революционного движения в армии и на флоте. Львов, 1982. 256 с.

Жилин А.К. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 153–165.

Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 1. С. 190–321.

Крылов А.Б. 29-й и 67-й сибирские стрелковые полки на германском фронте (по архивным материалам). М., 2014. 784 с.

Новиков П.А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса. Иркутск, 2008. 275 с.

Рабинович С.Е. Борьба за армию в 1917 г. М.; Л., 1930. 160 с.

Разложение армии в 1917 году. М., Л., 1925. 190 с.

Селиванов В. Революционный флот в литературном отражении // Красный флот, 1925, № 7.

Moscow, 1975, 343 p.

Bazanov S. To the history of the collapse of the Russian Army in 1917]. *Armiya i obshchestvo. 1900–1941 gody. Stat'i, dokumenty* [Army and society. 1900–1941. Articles, documents]. Moscow, 1999, pp. 51–76. (In Russ.).

Bazanov S., Pronin A. Boomerang fraternization. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 1997, no. 1, 3. (In Russ.).

Batalov A. *Bor'ba bol'shevikov za armiyu v Sibiri (1916 – fevral' 1918)* [The Struggle of the Bolsheviks for the Army in Siberia (1916 – February 1918)]. Novosibirsk, 1978, 284 p.

Vrangel' P.N. *Zapiski* [Notes]. *Al'manakh "Beloe delo"* [Almanac "White matter"]. Berlin, 1928, vol. 3, 311 p. (In Russ.).

Galich Yu., Popov K. *Krasnyi khorovod* [Red dance]. *Ser. Belogvardeiskii roman* [White Guade Novel Series]. Moscow, Veche Publ., 2008, 352 p.

Gaponenko L.S. *Soldatskie massy Zapadnogo fronta v bor'be za vlast' Sovetov* [Soldiers' masses of the Western Front in the struggle for power of the Soviets]. Moscow, 1953, 196 p.

Golub P.A. *Partiya, armiya i revolyutsiya. Otvoevanie partiei bol'shevikov armii na storonu revolyutsii. Mart 1917 – fevral' 1918 g.* [Party, Army and Revolution. Winning Army by the Bolshevik Party on the side of the Revolution. March 1917 – February 1918]. Moscow, 1967, 296 p.

Denikin A.I. *Ocherki Russkoi Smuty. V 3 t.* [Essays on Russian Distemper. In 3 vol.]. Moscow, 2005. (In Russ.).

Deshchinskii L.E. *Bol'sheviki vo glave revolyutsionnogo dvizheniya v armii i na flote* [The Bolsheviks led the revolutionary movement in the Army and Navy]. L'vov, 1982. 256 p.

Zhilin A.K. To the question of the moral and political state of the Russian Army in 1917. *Pervaya mirovaya voina. Diskussionnye problemy istorii* [First World War. Debatable problems of history]. Moscow, 1994, pp. 153–165. (In Russ.).

Krasnov P.N. On the internal front. *Arkhiv russkoi revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution]. Berlin, 1922, vol. 1, pp. 190–321. (In Russ.).

Krylov A.B. *29-i i 67-i sibirskie strelkovye polki na germanskom fronte (po arkhivnym materialam)* [29th and 67th Siberian rifle regiments on the German Front (according to archival materials)]. Moscow, 2014, 784 p.

Novikov P.A. *Vostochno-Sibirskie strelki v Pervoi mirovoi voine: 2-i, 3-i i 7-i Sibirskie armeiskie korpusa* [East Siberian Riflemen in the First World War: 2nd, 3rd and 7th Siberian army corps]. Irkutsk, 2008, 275 p.

Rabinovich S.E. *Bor'ba za armiyu v 1917 g.* [The Struggle for the Army in 1917]. Moscow-Leningrad, 1930, 160 p.

Razlozhenie armii v 1917 godu [The decomposition of the Army in 1917]. Moscow-Leningrad, 1925, 190 p.

Selivanov V. The Revolutionary Fleet in the literary reflection. *Krasnyi flot* [The Red fleet], 1925, no. 7. (In Russ.).

Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М., 1935. 79 с.

Якупов Н.М. Борьба за армию в 1917 году. М., 1975. 294 с.

#### Сведения об авторе

**Ануфриев Александр Валерьевич**,  
директор Центра историко-культурного наследия ИГУ,  
старший преподаватель кафедры истории России ИГУ,  
Иркутский государственный университет,  
г. Иркутск, Российская Федерация,  
e-mail: nnnadezhda@mail.ru

#### Критерии авторства

Ануфриев А.В. подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторское право и несет полную ответственность за ее оригинальность.

#### Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Chaadaeva O. *Armiya nakanune Fevral'skoi revolyutsii* [Army on the eve of the February Revolution]. Moscow, 1935, 79 p.

Yakupov N.M. *Bor'ba za armiyu v 1917 godu* [Fighting for the Army in 1917]. Moscow, 1975, 294 p.

#### Information about the author

**Alexander V. Anufriyev**,  
Director of the Center of historical and cultural heritage of Irkutsk State University, senior lecturer of the department of history of Russia ISU,  
Irkutsk State University,  
Irkutsk, Russian Federation,  
e-mail: nnnadezhda@mail.ru

#### Attribution criteria

Anufriyev A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

#### Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.